

Мара остановилась в коридоре Несравненного, прислонившись спиной к стене. Делать это или нет, Джейд. Подумай об этом.

Тем не менее она колебалась, помня о шквале возбуждения, вины, неуверенности, нервирует...

Она взглянула на объектив наблюдения на потолке, точно зная цикл его движения - когда он показывал конец коридора;

Промежуток между линзами;

Форс знал, что она сидела и смотрела на мониторы достаточно ночей. Она снова посмотрела в пустой коридор - он тоже не допустил бы охранников;

На борту его флагмана все шло по его собственным правилам, и правилом номер один было «Нет никакой охраны».

По приказу Императора, конечно, наблюдали охранники в штатском, но Мара знала их распорядок и очень специально выбрала этот момент ранним утром.

Чего она не собиралась делать, так это колебаться, и если она не воспользуется этим шансом прямо сейчас, то у нее не будет другого шанса в течение нескольких часов. Глубоко вздохнув, она быстро и небрежно прошла по коридору и набрала код отмены, чтобы открыть дверь в апартаменты Скайуокера.

Она быстро вошла в тихую темноту, на мгновение ослепнув, перешла от света коридора к крошечной тьме его покоев. Все еще затаив дыхание, она двинулась вперед и вес, похожий на Ронто, врезался в нее сбоку, ударив ее левым плечом и отбросив ее, когда она перекатилась от удара.

Годы отточенных инстинктов выживания прервали ее, и она каким-то образом осталась стоять прямо, наполовину шатаясь, отступая в бок, ее правая рука автоматически хваталась за пистолет, но Люк в мгновение ока был за ней, протянув руку сзади и схватившись за нее.

За ее запястье, вывернув ее пистолетом вверх, когда он зашел сзади. Прижав руку с пистолетом, Мара оттянула левую руку назад, локтем сильно ударив его в ребра, слыша, как его дыхание заставляет ее тяжело дышать, хотя ему удалось обхватить ее руку, прижав ее боку ...

Она без колебаний запрокинула голову, намереваясь ударить его в лицо теперь, когда он был близко позади нее, но он уже пригнулся и отступил от ее ограниченного диапазона.

Тем не менее, ей удалось освободить левую руку примерно в тот момент, когда он наконец заставил ее разорвать хватку на бластере. Используя захват, который он держал ее правую руку в качестве твердой точки поворота, Мара развернулась на правой ноге, подняв колено, когда она развернулась, намереваясь нанести сильный удар, но он уже присел, чтобы избежать ее удара, поэтому схватился за правую лодыжку и дернул ее вверх, уронив ее на пол на спину, воздух выбился из ее легких с такой силой, что в темноте вспыхнули звезды.

Она отпрянула и повернулась на бок, дотянувшись до вибрационного лезвия, которое она носила в ножнах на поясице, когда он рванулся вперед, оттащив ее руку и повернув ее на спину, опуская весь свой вес на ее тело через бедра, чтобы держи ее неподвижно, его молчание пугало. Она попыталась оттолкнуться коленями, но он зажал ее ноги между своих, поэтому она сделала выпад тыльной стороной ладони. Его рефлексy были слишком быстрыми,

и она прошла мимо его челюсти, его рука вылетела из ниоткуда, чтобы вытащить ее руку и прижать к полу над ее головой. Мара ударила другой рукой, когда он наклонился над ней, намереваясь ударить ее по горлу, но он схватил ее руки в свою собственную, возвращая ее обратно. Она снова корчилась, чтобы освободиться, прилагая всю свою силу в живот и ноги в движение.

- "Прекрати! СТОП !!"

- закричал Люк, стягивая руки Мары вместе, чтобы прижать их обе одной из своих, и она была так потрясена, что на мгновение упала, прежде чем наконец обрести голос.

"Что, черт возьми, ты делаешь ?!"

"Что я делаю ?!"

- недоверчиво крикнул он, протянув руку, чтобы коснуться ее бока, очевидно, ища какое-нибудь другое оружие.

«Какого черта ты делаешь, крадясь сюда среди ночи?»

Он повторил, но его голос понизился, когда он немного успокоился.

«Я шла к тебе! Не говори мне, что ты этого не знал».

«Да, я знал - я поднял тебя на два уровня ниже, крадучись».

«Я не кралась ».

«Ну, черт возьми, ты не хотела, чтобы тебя видели».

- многозначительно возразил он.

«Так что, естественно, вы восприняли это как нападение, чтобы заставить меня насторожиться».

«Ненавижу цитировать прецеденты, но вы только что достали бластер». Он сказал, не извиняясь.

"Вы пытались уложить меня!"

"У вас был бластер!"

«Хорошо. Как бы то ни было. Я не собираюсь спорить с тобой о деталях».

Она небрежно огляделась: «Где мой пистолет?»

«Правильно, потому что я собираюсь дать его обратно к вам.»

- невозмутимо сказал он.

Мара злобно ухмыльнулась: «Обеспокоена?» Он приподнял брови, позволяя своему весу немного прижать ее: «Отсюда? Нет».

«Ну, раз ты не волнуешься, могу ли я вернуть другую руку?»

- сухо спросила она, и он отпустил ее запястье и сел на пятки, его вес слегка приподнялся с бедер Мары. Они долго смотрели друг на друга в слабом свете звезд.

"Хочешь подраться еще?" - едко спросила она.

«Не знаю, так ли это я беспокоюсь».

- сказал он, но когда он встал, она почувствовала, как последний его вес улетучился, а затем наклонилась вперед и протянула руку. Она долго смотрела на него осторожно, но он не двигался, поэтому в конце концов она потянулась, чтобы взять его, и он поднял ее.

"Лучше?"

- спросил он в ее все еще прищуренные глаза.

" Буду, когда верну свой пистолет».

- сказала она, оглядываясь в темноте. Он усмехнулся, бросая ей вызов; " Беспокоишься?"

«Да, - едко возразила она, - это был очень дорогой пистолет».

«Ну, тогда ты не должна позволять людям так легко поймать тебя».

Он парировал.

«Эй, ты единственный человек, который смог снять с меня этот бластер без перестрелки».

- недвусмысленно возразила она, но он отвернулся и направился в спальню, откуда, должно быть, пришел, когда впервые почувствовал ее. Мара заглянула внутрь, краем глаза отметив, что его кровать все еще была аккуратно застелена; он тогда не спал, несмотря на свою внешность.

«Только один - это слишком много».

- сказал он добродушно, не останавливаясь, и теперь в его голосе закрадывалась усталость.

Это было очень... по-человечески. И странно привлекательно, напоминая Маре о том, почему она вообще направилась сюда, подталкивая ее, чтобы он продолжал говорить...

«Итак, вы обычно имеете обыкновение срезать бульдозером любого, кто звонит, или я поймала вас в плохой момент? "

«Нет, но большинство людей стучат или звонят заранее; поэтому у нас есть комлинки».

- сказал он, продолжая идти.

«У тебя никогда не было комлинка».

- сказала Мара. Наконец он остановился, обернувшись, как будто понимая, что она не собиралась уловить намек и уйти.

«Есть причина , по которой ты здесь?»

- спросил он с вынужденной доброй грацией. Не зная, как это сказать, Мара сдержалась:

«Неудивительно, что я забыла. Думаю, у меня сотрясение мозга». добавила она театрально. Люк удивленно приподнял брови, повернувшись, чтобы прислониться к дверному косяку, в свою спальню: «Я думаю, твой череп прочный, Рыжик». Она проигнорировала его, массируя запястье: «Я тоже думаю, что завтра моя рука будет черно-синей».

«Что ж, если тебе станет легче, помни, что мои ребра будут выглядеть точно так же».

Мара подумала, глядя на его обнаженный торс, когда она подняла к нему руку: «Да, я думаю, это немного порочно».

"Хорошо. Могу я лечь спать?"

Она смотрела на него долгие секунды ... и когда она заговорила снова, в ее голосе было искреннее разочарование: «Тебе труднее всего продолжать говорить».

"Ты вообще ни о чем не говоришь!"

он бросился, раздраженный.

«Просто...»,

- она замолчала, и она была так разгневана,

- «... Какого черта ты думаешь, для чего я здесь !?»

Он встал прямо, сбитый с толку разочарованием, повысив собственный голос: «Я не знаю - вот почему я спрашиваю !!»

«Может, тебе стоило сделать это до того, как ты попыталась сломать мне руку!»

"У тебя был пистолет!"

«У меня всегда есть пистолет».

«Точно! Я шла с трудом».

В его голосе появилась легкая нотка резкости, что и вызвало то же самое у нее.

"Что это значит?"

Он уклонился от того, чтобы сказать, что именно у него на уме - что он сегодня вечером тайно посетил своего отца на «Палаче»;

Что вместе они фактически договорились свергнуть Императора. Это была причина, по которой он подумал, что она прокралась в его каюту; что она каким-то образом знала, что произошло, уже сообщила об этом Императору и теперь выполняет его приказ.

«Это означает, что убийца Палпатина только что ворвался в мои комнаты под покровом темноты в тот самый момент, когда все эти « несуществующие »наблюдатели оказались где-то в другом месте

- сами понимаете».

"Ты думаешь, я пришла убить тебя !?"

"Это то, что вы есть".

Она шагнула вперед, одновременно смущенная и обиженная: «Зачем ?! Какого черта мне убивать тебя сейчас ?»

«Я не знаю - обычно тебе не нужна причина».

Он напал, не раскаиваясь.

«Просто делай, как тебе говорят».

«Ты сын саурана...»

Возмущенная, она подняла руку, и он повернулся к ней, подняв руку, выставив палец в прямом предупреждении,

" Не надо!"

Мара нанесла плотный, мощный удар, предназначенный для того, чтобы коснуться его лица, и его рука вылетела, чтобы поймать ее, остановив ее мертвой, вывернув ее руку за спину и дернув вперед одним быстрым движением с достаточной силой, чтобы она врезалась в него, ее рука вывернута за спину. Пойманная, она взглянула наверх, отдернув свободную руку, на губах ругалось ...

И он наклонился и поцеловал ее. Горячо; страстно, его рука на ее изогнутой шее, притягивая ее к себе. Ее сжатый кулак расслабился, когда она прониклась поцелуем, все остальное было забыто, все различия и оговорки оставлены перед этим большим желанием, которое, наконец, казалось таким же его, как и ее. Все еще удерживаемая в плену, она толкнула его вперед, и он отступил в дверной проем вместе с ней, их тела никогда не нарушали контакта, когда она опиралась на него своим весом, и он упал на кровать, обвив руками ее талию, увлекая ее за собой. Она улыбнулась, ухмыльнулась в приглушенном свете звезд, когда она целовала его яростно, нетерпеливо, вцепившись пальцами в его волосы, на расстоянии чувствуя, как его рука плавно скользит от ее бедра к пояснице, вытаскивая вибролезвие, которое она держала там, его глухой двойной удар когда он отбросил его в сторону, и оно упало на пол незамеченным в пылу всеобъемлющей страсти ...

Мара внезапно проснулась, осознавая, что за ней наблюдают, и оглядела затемненную комнату, на мгновение отброшенная ее сонным состоянием, где она была. Освещенный холодным светом далеких звезд, проникающих в смотровое окно, Люк сидел на стуле в дальнем конце комнаты, расстегнув длинный льняной халат, свободно обернутый вокруг него. Он долго смотрел на нее, не мигая, вызывая у нее беспокойство перед этими пронзительными глазами.

«Тебе нужно научиться скрывать свои мысли».

Наконец он сказал: «И тебе нужно научиться этому сегодня вечером. Завтра мы будем на Корусанте».

Она села, обхватив простыню, откидывая свои длинные рыжие волосы с лица, спускаясь каскадом по голой спине, ярко-красными на бледной коже.

«Я уже знаю, как защищать».

«От Палпатина».

- поправил он, заставив ее беспокойно взглянуть вниз.

«Слишком поздно для размышлений».

Он сказал холодно, но без осуждения. Люк провел последний час, сидя в кресле, наблюдая за ее сном, серьезно обдумывая их... ситуацию . Если он это сделает, если он научит ее, как он может скрывать определенные мысли от Палпатина

- и как скрыть тот факт, что она что-то скрывает - тогда он также научит ее делать то же самое от себя. Серьезное соображение, когда на самом деле он ей так мало доверял. Он также подумал о последствиях обучения ее технике, которую она могла бы очень легко передать Палпатину, предоставив ему разбивку методов, которые использовал Люк, и добровольного сообщника, на котором его Учитель мог бы практиковаться в разрушении тех же щитов, которые применял Люк. в настоящее время с таким успехом.

Но он также считал, что, как и он, она просто совершила глупую, безудержную ошибку прошлой ночью, о чем в холодном, безжалостном логическом свете дня она уже начинала сожалеть. Тот, который она решила никогда не повторять, как и он. Затраты были слишком высоки. В любом случае, он не мог со всей чистой совестью отправить ее обратно к Палпатину без защиты. Не тогда, когда он знал, как они оба, насколько их хозяин будет возмущен этим... инцидентом. Он нахмурился; чистая совесть . «Интересный выбор слов для ситхов»,

- подумал он.

Было ли что либо вообще? Разве правда не была более ужасной - Он хотел, чтобы что-то контролировало ее, что-то, чтобы проверить ее лояльность и оторвать от Палпатина. Люк знал, что она никогда не признается в этом.

«Это не соревнование».

«Оооо ...»

- она усмехнулась, весело склонив голову набок.

"Ты никогда не ответишь, Верно?"

"Ты?" - тихо спросил он.

«Когда вы это сделаете».

Он встал, не потрудившись прекрыться халатом, и прошел мимо нее в освежитель.

- Это видимо является конкуренцией.»

Дверь закрылась за ним, оставив ее полностью в темноте. . . .

Люк прошел по длинному простору Зала слуг, от вестибюля к главному тронному залу, где Император каждую ночь проводил Двор. Он не смотрел ни влево, ни вправо в всегда переполненном пространстве, никого не встречая взглядом, хотя в любом случае это было бы трудно; с его появлением в Зале воцарилась тишина, и теперь все кланялись в волне вежливого почтения, пока он шел. Как бы ему это ни не нравилось, он был здесь знаковой фигурой, ему обычно приказывали присутствовать при дворе со своим Учителем всякий раз, когда он был в резиденции во дворце, часто вызывали в ночь своего возвращения, как и сегодня, без даже

возможности вернуться. сначала в его апартаменты.

Он всегда ненавидел тронные залы; презирал мелкие махинации жадных людей, готовых продать свою душу или голову своего брата даже за возможность достичь своих личных целей.

Но постепенно, с течением времени, вынужденный снова и снова присутствовать и иметь дело с мелкими бюрократами и жаждущими власти членами королевской семьи, он узнал условности Суда - правила и постановления, обычаи и традиции.

«Знание двора» имело решающее значение для повседневных дел во дворце, и Люк осознал ценность наблюдения и слушания, нанимая своих новобранцев, чтобы всегда оставаться в курсе. Сети и союзы, как очевидные, так и тонкие, постоянно менялись здесь, их влияние распространялось за его пределы, как камни в пруду. В среде, где ничего не было получено, не дергая за ниточки, такая информация была жизненно важной как для поддержки намерений, так и для компенсации потерь. И даже это была игра внутри игры;

Держась рядом с Императором, когда бы он ни был во Дворце, Люк вскоре понял, что Палпатин не только поощрял эти свидания, но и часто спровоцировал их, проявляя благосклонность к тем, кто играл в игры по правилам, различая придворных, которые делали это с признательностью и разрешениями. пройти из Дежурного зала в Тронный зал, Строгие правила и церемонии охватывали все, определяя все, от того, кто имел доступ к Императору, до титулов, используемых при дворе, до права сидеть в кресле, стуле с высокой спинкой, табурете или о том, можно ли вообще сидеть, пока Корт'. Конечно, в присутствии Императора никто не сидел.

Бесконечные правила казались мелкими, бессмысленными и элитарными, когда Люк впервые прибыл, но, вынужденный сопровождать Императора в течение бесчисленных дней, он постепенно пришел к пониманию того, что они были введены в действие во благо Императора, как и любая островная дискриминация. ; Придворные, спорившие между собой и спорившие о том, кто придерживался и не придерживался незначительных мелочей бесчисленных придворных обычаев, не имели ни времени, чтобы создать реальную организованную оппозицию, ни доступа к достаточному количеству других королевских домов, чтобы сформировать прочный фронт, не вспыхивая. или тонко подстрекается Палпатином.

Те немногие, кто действительно поднялся над ним, часто оказывались объектом нападений со стороны других Домов, основанных на малейшем уклонении от Императора, всегда стремящегося разжечь и поощрять распри. Здесь первостепенное значение имел менталитет стаи - выделяли любого, кто проявлял слабость, стая атаковала при первом запахе крови. Разделяй и властвуй. Люк знал, что его отцу не до всего этого, но для себя он понял, что это имеет место. Как бы ни было под принуждением, он был во дворце гораздо чаще, чем отец; игнорирование этого было недопустимым вариантом, поскольку как Наследник он обнаруживал, что все больше и больше попадает под его влияние, и тяжелый опыт научил его, что он был бы дураком, если бы отклонил что-то, не понимая опасности, которую это представляло.

Если он решил не делать что-то - не придерживаться правил или ожиданий - он должен знать, какие будут последствия, и для тех случаев, когда он решил играть в игру, ему нужно было знать все правила - хотя бы для того, чтобы сгибаться и сломать их. Он давно научился бегать со стаей. Высокие двустворчатые двери распахнулись, когда он приблизился, четверо королевских гвардейцев, которые стояли, не теряя внимания, независимо от того, заседал Корт или нет, решительно отступили в сторону.

Люк, не раздумывая, шел вперед, не отрывая глаз, и шагнул в густую тьму массивного, внушительного пространства Тронного зала, мириады ограненных из горного хрусталя светильников свисали с высоких сводчатых и камышовых потолков, заставляя светиться позолоченные стены, с рассеянными осколками мягкого отраженного света. Он подошел к шелесту тяжелой ткани, когда множество придворных внутри склонились перед его проходом, их лица затерялись в тени, полное внимание Люка на своем Учителе - и щиты, необходимые для защиты его собственных мыслей от него.

"Мой джедай возвращается!" - сухо забавлялся Палпатин, пока Люк шел по длинному проходу к помосту. Он склонил голову набок, когда Люк добрался до бледного каменного полукруга на полу перед Троном Солнечных лучей и плавно преклонил колени перед своим Учителем с минимальным поклоном головы одним коленом на пол.

«Кажется, тебе чего-то не хватает, друг мой...», - продолжил Палпатин, театрально прерываясь,

- «А! Звездный разрушитель!»

Хотя это было обычным делом в обширных регионах Кольца, где Восстание было более укоренившимся, это был первый раз, когда Люк потерял Разрушитель в битве, поэтому он ожидал, что его Учитель воспользуется этой возможностью, чтобы кукарекать. Он встал невозмутимо, отметив, что Палпатин не упомянул «потерю» генерала Вирса.

«Я думаю, он купил вам что-то гораздо более ценное, ваше превосходительство». - сказал он спокойно.

Палпатин снисходительно ухмыльнулся: «В самом деле? И что мне купила Ярость?»

«Один корабль на две головы, Мастер».

"Два?"

«Насколько я понимаю, Палач недавно посетил Дегоба».

Выражение лица Императора несколько не изменилось из-за неожиданного знания его джедаем о миссии «Палачей», но его чувство охладилось «Достаточно долго», - сказал Палпатин, и Люк знал, что его Учитель не знал; в этом убедился, когда Палпатин продолжил разговор, хотя и не слишком очевидно.

«А что еще ты принес мне в обмен на Ярость?»

Люк посмотрел на своего Учителя, не упуская из виду реплику. Он, конечно же, проинформировал Палпатина об успехе миссии перед тем, как войти в гиперпространство для обратного путешествия - знал, что Мара сделала бы это даже раньше, передав полную разбивку событий и его собственных действий ... тех, о которых она знала, - но это явно должно было быть официальным объявлением о поимке Мотмы.

«Я обращаю против тебя лидера Восстания, Мастер».

Он объявил достаточно громко, чтобы его голос разнесся: «Мон Мотма теперь в твоей власти - судьба любого, кто бросит вызов Империи». Это было тонкое различие

- Люк защищал Империю, а не Императора - но оно предназначалось только для ушей

немногих, его актуальность терялась под большим откровением для большинства. Шепот разнесся по толпе в волне изумления, вызвав взрыв эмоций в Силе, достаточно сильный, чтобы заставить Люка вздрогнуть и откинуть голову назад, хотя он не сводил глаз с Императора.

Палпатин улыбнулся, откидываясь назад: «Ты хорошо поработал, мой друг. Очень хорошо».

Он притворился внимательным, заставив Люка сузить глаза в осторожном подозрении.

«Двое моих величайших врагов доставлены к моим ногам. Да, цена действительно была небольшой».

Император наклонился вперед снисходительным тоном: «А что моему Волку понравится в качестве награды?»

Люк глубоко настороженно склонил голову и опустил плечи.

«Чтобы продолжать служить, Мастер - больше ничего не нужно».

«Ты слишком скромн, мой друг. Такой поступок заслуживает награды...»

Император театрально замолчал, задумавшись, и Люк опустил взгляд, чтобы скрыть свое беспокойство; Что он задумал?

«Мой новый звездный супер-разрушитель должен быть доставлен сюда в течение нескольких месяцев - он ваш, друг мой.

Твой новый флагман». Люк не поднимал глаз, зная, что его загнали в угол - отказать перед Судом было бы недопустимым нарушением этикета, но новый Разрушитель ошетинился бы скрытым наблюдением и скрытым скрытым оборудованием новой конструкции, большая часть которого была бы разработан в прямом ответе на способность Люка обнаруживать и выводить из строя существующее оборудование, все из которых нужно будет устранить и очистить от уязвимых зон, прежде чем Люк сможет возобновить свои операции. Бесподобный был его убежищем, и Палпатин знал это.

«Необоснованная награда, ваше превосходительство».

- сказал Люк, подняв знающие глаза на насмешливую ухмылку своего Учителя. По правде говоря, он ожидал некоторой расправы, когда его Учитель узнал, что Мастер Йода уже мертв, независимо от того, верил Палпатин, Люк знал или нет; это было в природе его Учителя. Но это не означало, что Люк не должен поддерживать чувство тактично задетой гордости перед Императором - тем более, это могло бы показаться обманом. Он привык к этим играм внутри игр, либо перед внимательной аудиторией, либо в личных залах Совета своего Учителя. Публичное представление Императора и Наследника - без видимых разногласий и, следовательно, без возможности для присутствующих при Дворе попытаться сыграть одно против другого - скрыло более напряженную игру, разыгранную между тщеславным, недоверчивым Мастером и упорным, умышленным защитником; завуалированная битва воли, которая всегда влекла за собой.

А под этим был еще один слой силовых игр, уровень манипуляций и уклонений, абсолютная власть сохраняла приоритет над скрытым восстанием. Теперь это была вторая натура Люка, эта жизнь, эти игры; союзники были ненадежными, если у кого-то не было средств гарантировать их лояльность, а противники были не более чем возможностями, которые можно было использовать и отбрасывать. Единственный способ избежать этого - оставаться вне

достижимости. Сила приобрела положение, а положение обрело силу, так как его Учитель так любил читать. Здесь не было места для слабости, где целостность и мораль являлись серьезными недостатками - он тоже усвоил этот урок.

Единственный способ остаться вне достижимости - это надежно и решительно вести за собой стаю; в тот момент, когда кто-то проявлял малейшее колебание, толпа поворачивалась - а Люк не собирался падать перед этой стаей хладнокровных и корыстных падальщиков. Это стало ведущей мантрой - пережить их всех, хотя бы из-за явного упрямства. Каждый раз, когда он возвращался, каждый раз, когда он шел среди мусорщиков, манипуляторов и оппортунистов, он чувствовал огонь своей решимости. Что он не рухнет для развлечения Палпатина, что стая его не утащит. Каждый раз, когда он стоял среди них, он чувствовал одно и то же негодование, то же отвращение, вызывающее тот же отказ сдаться; лечь и умереть ради чужой выгоды.

Решимость победить, стать неуязвимым; неприкасаемый... любой ценой. . . . Суд проходил в огромном зале заседаний на нижних уровнях Южной башни, это было упражнение в имперской пышности и пропаганде, на которое было «приглашено» множество высокопоставленных чиновников и королевских домов. Люку это показалось не более чем плохо замаскированным потаканием эго Императора, но тогда он не ожидал меньшего. Было ясно, что он должен провести заклинание на Корусанте, поэтому он не был удивлен, когда вернулся в свои апартаменты, чтобы получить официальное приглашение присутствовать на окончательном вердикте. Представители ждали - чтобы передать сообщение от руки, а не ответа; любое «приглашение» от имени Императора должно рассматриваться как прямое приказание и никогда не отказываться.

Это было типичным проявлением излишества: оно было доставлено на золотом блюде двумя посыльными в сопровождении четырех королевских гвардейцев. Люк взял пергаментную карточку, взглянул на ее содержимое, отвернулся и без комментариев бросил ее на соседний стол.

Он был уверен, что об этом поступке будет тщательно доложить Палпатину до наступления ночи. Приговор, когда он был окончательно вынесен, вряд ли был неожиданным ... Утро казни было ясным и тихим, и Люк ненадолго остался, скрючившись под простынями, отвернувшись от завтрака, прежде чем встать и упрекнуть себя в собственной нерешительности. Он принял свои решения; он должен по крайней мере быть честным, чтобы поддержать их сейчас. Несмотря на его тихие протесты и тонких избегание, его Учитель сделал это очень ясно, что Люк будет присутствовать на казни Мотмов только после полдня, канцлер Амедд контактирования Помощники Люка объявить, что император приказал почтай Комплимент "двенадцать красногвардейцев для отправки его апартаменты в соответствующее время, чтобы сопровождать его на мероприятие - просто чтобы прояснить ситуацию.

Тем не менее, когда Люк приказал Дэррику принести бледный пиджак и белую рубашку, его комод приподнял брови в политическом молчании, хотя старик знал, что лучше не говорить что-либо вслух. Свиты императора всегда носили так называемую «придворную ливрею»; алый, темно-синий или, для его ближайшего окружения, черный. Хотя у него было право, Люк редко носил черное, но носить бледные тона сегодня было бы явным заявлением о несогласии. Зная о своем безмолвном неодобрении, когда старик старательно чистил воображаемые пятнышки на бледном, безусловно подобранном пиджаке, Люк включил свой комод, резко упрекнув и отпустив, что заставило старика отпрянуть, опустив голову, оставив Люка с еще одной причиной чувствовать себя виноватым. После долгих минут размышлений он позвонил Дэррику и попросил его принести что-нибудь более подходящее, и старик дипломатично кивнул, больше нечего было говорить.

Но это означало, что когда прибыла Мара, Люк все еще был в своей гримерке, поэтому она тихонько постучала и наклонилась через дверь, демонстрируя беспрецедентную фамильярность, когда Дэррик поклонился и ушел со своей обычной молчаливой осмотрительностью. Она молчала, пока он завязывал застёжки своего пиджака с высоким воротником; не торопил его.

Может быть, она тоже почувствовала атмосферу в его квартирах, все ходили вокруг него на цыпочках с осторожной осторожностью - не без оснований, учитывая его настроение в последние несколько дней, или, может быть, это было еще одно смягчение боевых порядков, давно проведенных между ними, но даже у нее хватило такта, чтобы сегодня быть умеренной. . Мара наблюдала, как Люк разгладил несуществующие складки на своем темном пиджаке, опустив глаза, скривив челюсти, явно взволнованный, как он был каждый день с момента своего возвращения на Корусант, шагая на острие чувства вины, но по совершенно другой причине, чем она. она подозревала. Когда они достигли Корусанта, реальность их преступления поразила Мару с разрушительной силой, чувство вины просочилось в нее за то, что ей нужно было сделать, когда они вернулись во Дворец - кому она должна была солгать - осознание этого смыло волну тревожного волнения. над ней.

"Что мы будем делать?" прошептала она.

«Ты будешь делать, как я тебя учил».

Он сказал спокойно, безмолвно глядя на скопление огней светящейся планеты: «У него нет возможности узнать, пока вы ему не скажете». Она стояла неподвижно, глядя ему в спину, поэтому, в конце концов, он снова заговорил, опустив голову, чтобы потереть веки, как он часто делал, когда был усталым или напряженным.

«Он не всемогущ и не безошибочен. Он не будет знать, если вы будете поступать так, как я вас учил, и то, что он не знает, он не может взять от вас, и он не может заставить вас сказать ему».

Она промолчала, и он наконец повернулся, чтобы посмотреть на нее: «Он знает только то, что ты ему говоришь, Мара. Все, что он узнает, от тебя ».

Она снова посмотрела в сторону, испуганная, понимая по его резкому тону, что он остался таким же, несмотря на внешнее спокойствие, хотя она не знала, было ли это потому, что он собирался солгать Императору, или потому, что он полагался на нее. тот же самый.

«Мы не можем... встретиться во Дворце». - сказал он наконец, возвращая к себе ее взгляд.

«У вас есть комнаты без наблюдения. В вашем...»

«Это слишком рискованно».

Он решительно покачал головой: «Слишком много глаз и слишком много систем - ты это знаешь».

Она посмотрела вниз, прикусила губу, и он вздохнул, шагнув вперед, чтобы приподнять ее подбородок: «Ты справишься, Рыжая». - заверил он, несогласованные глаза почти улыбались, давая ей повод и убеждение, чтобы попытаться. Она протянула руку, чтобы обхватить его лицо руками и поцеловать его, и когда он наконец отступил, она вздохнула и двинулась вместе с ним, прижав голову к его груди.

«Это будет неделя, самое большее две».

Он заверил, хотя они оба знали ложь. . В конце концов, когда они вернулись, она обнаружила, что ей слишком легко держаться подальше в течение первых нескольких ночей, чувство вины все еще мучило ее, но с каждым прошедшим днем становилось все труднее. Несколько раз она пыталась затронуть эту тему с Люком, собираясь обнять его, когда знала, что они одни в незаметной комнате, но он всегда находил способ избежать или предотвратить ее, мягко, но твердо, по команде. его эмоций так, что она больше не была - больше не хотела быть рядом с ним. Тем не менее, когда она вернулась в свои апартаменты накануне вечером, Люк провел большую часть дня и вечера в своем офисе, принимая ряд встреч по военному управлению и государственным делам, из-за чего он и Рис работали до поздней ночи. - таким образом позволяя ему избежать осложнений, связанных с пребыванием с ней наедине - Мара ушла, гадая, были ли ее слова, сказанные той ночью, ближе к правде, чем она думала;

«Вы думаете, что мы сделали ошибку».

Или, возможно, он просто отвлекся; это вряд ли могло быть легко для него; приносит сюда Мон Мотму. Он знал, что Мотма в прошлое время от времени служила ее телохранителем, Мара знала.

Привлечение лидера повстанцев к ответственности сейчас, каким бы правым он ни считал, явно несло с собой определенные опасения, даже Мара могла это видеть. Потому что, когда он повернулся к ней сейчас, она увидела то, что так редко видела в его глазах в наши дни, то, что он научился так эффективно скрывать под этим сдержанным покровом отстраненного безразличия за счет изменчивого, ртутного темперамента;

Эмоция - настоящая, искренняя, искренняя эмоция, сбита с толку, противоречивая смесь вины и сожаления, которая теперь так редко появляется на его лице, что оставляет его задумчивым и озабоченным. Мельком Люка Скайуокера под ценными джедаями Императора. Так что она не торопила его этим утром, зная, что он тоже должен знать время, осознавая его хрупкий, уязвимый воздух, защищая его так, как никогда раньше. Когда он больше не мог найти причин откладывать дела на потом, он сделал глубокий, прерывистый вдох и направился к ней. Она одарила его короткой ободряющей улыбкой и кивнула, прежде чем повернуться и выйти из комнаты. Когда его шаги не удались, она остановилась, поняв, что его больше нет за ее спиной, и вернулась в приглушенную суровую гримерку. Он неподвижно стоял перед зеркалом, мельком мельком увидев себя, когда собирался уходить.

"Люк?"

Когда он не ответил, совсем не признал ее, она медленно подошла к нему. Он оставался неподвижным, изучая свое отражение в зеркале, склонив голову набок, в выражении лица странная смесь отстраненного любопытства и болезненного обаяния.

"Это кто?" - пробормотал он наконец, все внимание было сосредоточено на отражении.

Мара взглянула в зеркало, не зная, что сказать, обеспокоенная его далеким тоном голоса и его опасно бесстрастным видом.

Спустя долгое время он, сузив глаза, ответил себе: «Это джедай Императора, не так ли?»

Люк изучал мужчину в зеркале - действительно смотрел впервые за долгое время - он больше никогда не смотрел на свое отражение. Он проверил, что его одежда прямая, выглядит ли он презентабельно ... хотя он никогда не встречал этих незнакомых, несовместимых глаз - не хотел видеть.

Но сегодня он взглянул вверх, и они заперли его, и теперь он стоял как вкопанный, очарованный отражением незнакомца, который смотрел на него таким явно хрупким слоем внешней спокойной маскировки ... что? Он все еще был немного похож на Люка Скайуокера - того же роста, такого же худощавого, стройного телосложения, широких плеч, стройных бедер... но на этом сходство закончилось. Его кожа была бледной, черты лица оставались незамеченными под шокирующе глубоким тяжелым шрамом, который шел от его лба вниз по щеке, почти исчезая в ямке, чтобы снова появиться наверху, губами, сделав глубокий разрез через них обоих, прежде чем исчезнуть, второй шрам едва виднелся на его воротнике. Глубокие впадины затеняли его глаза, отчего они казались шокирующе синими, а правая радужная оболочка пробивалась около шрама широким поворотом темно-коричневого, почти черного на фоне бледно-голубого.

Его волосы местами падали перед глазами, непослушные, достаточно длинные, чтобы беспорядочно закручиваться ниже подбородка, темно-коричневые - разве Люк Скайуокер не был светлее? Или это был просто Татуин? Люк нахмурился, и незнакомец перед ним сделал то же самое, подошел ближе, чем Люк, и перевел взгляд на его одежду. Сделанный на заказ и сшитый вручную, сдержанный и изысканный, темно-синий. Черные сапоги ручной работы; безупречно подогнанные брюки и куртка, полоска белого там, где накрахмаленный воротник-стойка скрывал серьезный темно-красный шрам сбоку на шее. Вероятно, они стоили больше, чем Люк Скайуокер ожидал заработать за год.

Мужчина в зеркале даже не знал; все равно. Они просто прибыли, и он носил их до тех пор, пока они ему не надоели, и он не выразил потребности в большем, что пришло со временем; откуда он понятия не имел. Ему не нужна валюта, его лица было достаточно - все, что он хотел, мгновенно предоставлялось без вопросов. Но он вообще ничего не хотел - а единственную вещь, в которой он нуждался, нельзя было купить за никакую валюту. Он снова шагнул вперед, зачарованный, теперь достаточно близко, чтобы дотянуться до человека-тени в зеркале, соприкасаясь кончиками пальцев; темная одежда, темные волосы, темное чутье висело вокруг него. Темные мотивы и намерения.

"Волк Императора - разве не так его называют?" пробормотал он наконец.

Где был Люк Скайуокер? Давно ушедший, он знал это - поглощенный тенями и Тьмой. Люк Скайуокер никогда бы не допустил того, что имел в виду человек в зеркале - был бы потрясен... или цель оправдала средства? Человек в зеркале так считал - потому что, что бы он ни чувствовал, он явно собирался пережить это, Люк видел это по его глазам ... но тогда человек в зеркале тоже был чужим, уже не реальным Люку, чем кошмары, которые царапали его сны и которые так же легко игнорировать. Что оставило его... где? Он безмолвно смотрел, когда на ум приходили воспоминания - о камере под Дворцом, где появился на свет этот одетый в темное человек человек, единственная оставшаяся защита от безжалостной боли и провокаций, все резервы разрушены, все варианты сожжены. Вспомнил язвительные, подстрекательские слова своего Учителя...

«Что ты видишь в темноте, когда приходят твои демоны?»

Что он увидел? Палпатин думал, что это он вторгся и вдохновил Люка в видениях и кошмарах. Но Палпатин не был демоном Люка... он только создал его. Отражение Мары неуверенно протянулось к зеркалу, положив руку ему на плечо. - Люк? С кем она говорила? Неужели она не понимала? Он взглянул на нее, внезапно с большим любопытством: "Что ты видишь?"

Она нахмурилась, глядя на его отражение, и успокаивающе сжала его руку: «Я вижу тебя».

Он снова отвернулся, снова к тени в зеркале.

"Что ты видишь?" - прошептала она наконец, и он мог услышать ее неуверенность, почувствовать ее беспокойство. Он дрогнул, потерявшись в тени и Тьме, протянул руку, повернулся к женщине, которая теперь держала его на якоре, хотя он знал, что фундаментальная опасность, заложенная в этой слабости, знал, что он не может ей доверять ... Знал, что когда-нибудь даже она предаст его. Как и все, кому он когда-либо доверял. И ему было интересно, что сделает человек-тень в зеркале, когда она...

«Что ты видишь в темноте, когда приходят твои демоны?»

Слова Палпатина прошептали снова. Люк снова посмотрел на человека в зеркале, одетого во тьму...

«Я вижу тебя». - тихо пробормотал он, зная это абсолютно. Зная о ее взгляде на него, о ее любопытстве и беспокойстве, он посмотрел на нее: «Я вижу тебя». - сказал он снова вслух, создавая пустую улыбку на своем лице, растягивая глубокие шрамы. . . . В тот вечер Люк тихо и задумчиво стоял в глубине огромного роскошного государственного бального зала, в изоляции и в стороне от шумной вечеринки вокруг него, каждая капля языка тела демонстрировала его краткий, непостоянный нрав, никто не осмеливался подойти.

Палпатин сидел на возвышении во главе огромного, гротескно роскошного зала - редкое «публичное» появление среди королевских домов, дипломатических и планетарных представителей, присутствовавших на сегодняшнем мероприятии, демонстрируя, насколько он доволен своими достижениями. Собрание в этот вечер было для Люка не более чем тонко замаскированным праздником, и он не терпел этого. Его «почетный комплимент» в виде двенадцати королевских гвардейцев прибыл в полдень, чтобы сопровождать его на широкую частную террасу, где должно было проходить мероприятие, в присутствии представителей всех основных королевских домов, планетных систем и торговых гильдий, дикая смесь противоречивых эмоций. предвкушенный предвкушением, заставивший его вздрогнуть от интенсивности внутри Силы, когда он вышел на террасу, безопасность зашкаливала, заметная повсюду.

А потом ему аплодировали. Аплодисменты, крики и возгласы собравшейся толпы заставили его желудок сжаться от отвращения. Даже Палпатин встал, вызывая ухмыляясь, медленно соединив руки, чтобы поддержать аплодисменты, пока Люк намеренно шел вперед, игнорируя собравшихся, стиснув челюсти, глядя в глаза своему Учителю. Он достиг помоста и встал на одно колено, Палпатин поднял открытые руки, целую вечность сдерживая аплодисменты, грохочущие вокруг Люка, пока он был вынужден стоять на коленях, а Император совершил великий поступок, будучи не в состоянии приказывать ему подняться для шум. И поэтому он закрыл свои мысли и свое осознание; отключился, как он научился делать здесь, с нейтральным лицом, остекленевшими глазами. Позволил всему этому происходить вокруг себя, каким-то образом исключить из этого, как если бы он смотрел на это через оконное стекло, точно так же, как он теперь видел всю жизнь за пределами Дворца; далекая дымка старого сна, слишком далекая, чтобы его больше трогать ...

Она была одета в серую, когда ее вывели, и он посмотрел на землю, сжав челюсти. на бледном террасо широкой террасы он увидел, как сбоку от его ботинка показалась алая капля ... затем еще одна. Осознав это, он посмотрел на сжатый кулак левой руки, с трудом разжимающий пальцы, так сильно они были сжаты; он вырезал четыре идеальных ломтика на ладони ногтями. Он все еще смотрел на свою руку, когда выстрелы пронзили воздух, заставив его слегка дернуться. Он не смотрел. Он был ей в долгу.

Для Палпатина, наблюдающего за своим диким джедаем, который размышлял в самом дальнем углу огромного бального зала, не пытаясь даже попытаться скрыть свое отвращение, день становился все сильнее. Теперь он наблюдал за своим джедаем с самодовольным весельем, пока мальчик создавал себе небольшой остров в толпе, все подсознательно кружились вокруг него, как косяк рыбы вокруг акулы, и никто не подходил слишком близко.

Иногда странный мофф подумывал о том, чтобы подойти к нему, чтобы выслужиться, но в последнюю минуту нервничал и неловко уклонялся, следя за каждым шагом своего отступления своими чудесными ледяными голубыми глазами. Это был чудесный день от начала до конца. Кончина Мотмы наконец положила конец двум десятилетиям раздражения. Ее драгоценное Восстание, конечно, никогда не было реальной угрозой; без джедаев, способных противостоять ситхам, которым они бросили вызов, Восстание никогда не могло бы быть ничем иным, как незначительной неприятностью, неудобством, которым Палпатин в перерывах между кратковременными приступами анархии манипулировал в своих целях - за исключением кратковременного.

На короткое время они держали среди них кого-то, кто был способен превратить их в реальную угрозу. Вкратце, когда его первая Звезда Смерти была уничтожена, он услышал их рев. Затем, по своей слепой, безрассудной глупости, они отвергли то, что могло сделать их силой, с которой нужно было считаться, - отдавали его в объятия своего врага, не меньше. Палпатин знал, что они все еще чувствительны к Силе, и рано или поздно ему придется иметь с ней дело. Но она была неподготовленной и не представляла непосредственной угрозы.

Лучше сосредоточить свои усилия на том, в создание чего он действительно так много вложил. То, что ему доставляло столько удовольствия убеждать и провоцировать. Сегодняшняя была самая жестокая насмешка, которую Палпатин изобретал за долгое время, и он упивался ею, мучительным дискомфортом, который чувствовал его джедай перед этим, решимостью мальчика не позволить проявиться своей тревоге перед Учителем, противоречащей его очевидному горению. желание повернуться и просто уйти от этого кропотливо устроенного цирка. Палпатин подумал, что это была самая замечательная ирония - то, что мальчик доказывал это, требовал, чтобы ему было доставлено удовольствие выследить Мотму за ее нападение на него, но теперь, когда ему пришлось столкнуться с последствиями своих достижений, было так глубоко, очень неудобно.

Он стал венцом идеального дня. Безупречный план от начала до конца, результаты превзошли его самые смелые ожидания. С того дня, как он признал Скайуокера Явным Наследником, события разворачивались с безошибочной целью, требуя лишь самых незначительных толчков, чтобы направлять их, направляя мальчика все ближе и ближе к этой точке невозврата. Скайуокер добровольно оборвал свои последние связи с Восстанием; решительно, полностью осознавая, что он делал. И он принял свою роль здесь, рядом с Палпатином.

Это было очевидно во многих тонких отношениях, но Мара подтвердила это своим собственным взвешенным мнением о его действиях за последний месяц, когда она прибыла в личные покои Палпатина, чтобы доставить свой отчет в тот вечер, когда Несравненный вышел на орбиту. Хотя ее мнение, если бы не ее преданность, вскоре перестало бы быть столь надежным.

Объективность требовала беспристрастности, и он давно чувствовал, что ее отрешенность колеблется. Ничего особенного, но это само по себе имело значение - когда она в последний раз была здесь, фокус ее восхищения был совершенно ясен; теперь эти чувства казались приглушенными, полностью похороненными. Он не сомневался в ее верности; он держал ее достаточно долго, чтобы убедиться в этом, и у него не было желания слишком подробно подвергать сомнению ее внезапное изменение - в конце концов, это было то, что он всегда

имел в виду; чтобы она стала близкой.

Достаточно близко, чтобы удерживать здесь Скайуокера. Поскольку Мара никогда не уйдет, ее верность гарантирована, а это означало, что если она сможет удержать его, то и Скайуокер тоже. И даже если она не сможет, ее все равно можно будет использовать как рычаг. Разве он не предупреждал мальчика достаточно часто; если у вас есть слабость, другие будут использовать ее против вас. Его джедай не столько устранил его главную слабость, бывшую прежде Восстание, сколько просто обменял ее на другую. Что было к лучшему, поскольку, несмотря на свою внешнюю уверенность, Палпатин знал, что, если бы у него не было этих рычагов, ему было бы намного труднее контролировать мальчика.

Он уже имел дело со своей связью с отцом; сломал его без возможности ремонта. Между двумя его ситхами не было разрешено никаких ассоциаций; это было бы невыносимо и слишком, слишком опасно. Разделяй и властвуй - у Вейдера были амбиции, а у его сына - сила. Из них двоих Палпатин знал, что Скайуокер представляет наибольшую опасность; Вейдер служил ему много лет, и, несмотря на свои амбиции, он знал, что не в силах противостоять Палпатину в одиночку и выжить.

Его давно забрали. Его сын, с другой стороны, мог быть реальной угрозой, хотя он и решил не использовать ее; у него не было желания управлять Империей, которую он на каком-то уровне все еще презирал, и пока он придерживался этой точки зрения, он оставался управляемым. Палпатин не сомневался, что это изменится в будущем, но до тех пор, пока он мог точно читать мальчика и, следовательно, предотвращать любое восстание, он по-прежнему оставался самым привлекательным из них - во всех отношениях.

Он многое терпел от Скайуокера, хотя никогда не понимал почему. Его потребность контролировать мальчика превратилась в увлечение, граничащее с навязчивой идеей. Тот первый всплеск достижений, когда он сломил его, научил его тщетности сопротивления и, наконец, вытащил эту скрытую силу на первый план в порыве обиженной ярости, был... Палпатин теперь вздохнул при воспоминании; у него все еще была сила, чтобы переместить его, как бы далеко он ни был. Но такое грубое выражение теперь уступило место гораздо более тонкой игре, реализуемой почти незаметными шагами, каждая из которых бессмысленна, если рассматривать ее изолированно, но медленно, с течением времени, накапливаясь и сказываясь на себе, - хотя он сомневался, что мальчик видел это так.

Его действия и бездействие сегодня были доказательством этого, как и его готовность использовать Джейд, хотя Палпатин все еще верил в ее способность подкрадываться под защиту Скайуокера. Он позаботился о том, чтобы окружить мальчика теми, кто, по его мнению, может понравиться; привязанности были такими удивительно невидимыми ограничениями - для их использования требовалось так мало давления. И ему еще предстоит полностью вылечить падшего джедая от другой его слабости; упрямая, своенравная тенденция бороться каждый спор, вплоть до боевых действий от имени Другого так, как он когда-то сделал со своим драгоценным Восстанием.

К выбору сражений следует подходить осторожно - сколько раз он говорил об этом мальчику? Сделайте шаг назад и исследуйте картину в целом, спросите себя, действительно ли эта борьба так важна для его собственных целей, а не просто принципиальная проблема. Были времена, когда способность отступить, контролировать свои эмоции была ключом к успеху даже для ситхов.

Как можно было доминировать над своими противниками, если он не контролировал себя? Что было так чудесно, так это то, что Палпатин все это рассказал мальчику - преодолеть эти

слабости и выбрать то, что важно, потому что только тогда он будет сражаться всем своим сердцем и душой. И все же он боролся - даже когда знал, что у него нет надежды на победу.

Вот почему он потерпел неудачу; вот почему Палпатин мог заставлять его спотыкаться снова и снова. Он обдумывал все это сейчас, когда наблюдал за джедаем, где он отступил в дальний конец огромной, роскошной комнаты, как можно дальше от своего Учителя, не выходя на самом деле. Но найти его было нелегко, несмотря на расстояние; его присутствие прославлялось через Силу, как никогда мощно. Но приглушен... по желанию; Палпатин сузил желтоохристые глаза, глядя на своего джедая, считая... да, приглушенным.

Через эти тщательно построенные щиты больше не просачивалось очень мало эмоций. Осталось только гадать, что еще было замаскировано... Мальчик повернулся, и Палпатин знал, что смотрит на своего Учителя, осознавая, что находится под пристальным вниманием, встречая взгляд Палпатина с равной интенсивностью, ничего не теряясь, несмотря на расстояние и толпу между ними.

Палпатин откинулся назад, усаживаясь на трон, придавая лицу самодовольное, самодовольное выражение, бескровные губы скривились в малейшей улыбке, приглашая мальчика вперед. Он оставался неподвижным в течение долгих секунд, ясно рассматривая затем, к удивлению Палпатина, двинулся вперед, толпа инстинктивно расходилась, когда он шагал сквозь них.

Будет ли он сейчас настаивать на аргументе? Конечно, он знал, что Палпатин не может этого допустить. После такой публичной демонстрации согласия между двумя в течение последних нескольких месяцев, достаточной, чтобы заверить даже самых сомнительных в отсутствии разногласий между ними, жаркий спор теперь был немыслим.

Это свело бы на нет все это тщательно выстроенное единство, особенно перед этой широкой, неизбежной аудиторией. Мальчик знал все это - он знал это - знал, что за сцену теперь придется самое суровое наказание. Не здесь, а позже, когда не было глаз. Но, зная это, думал ли он теперь, что ему нечего терять, нет причин сдерживаться ... Теперь он был на полпути через зал, глаза темные и бурные, челюсти стиснуты, мускулы натренированы, когда он многозначительно шел вперед, слегка касаясь запястья светового меча на бедре.

Палпатин почувствовал, как его собственное сердце начало учащаться, тело напряглось, когда он выпрямился на троне, готовясь к противостоянию, осознавая, что он должен разогнать его как можно быстрее, тише и решительнее. Три моффа подошли к его джедаю, на мгновение заслонив его ... А когда они переехали, он ушел. Так быстро, как это.

Палпатин оглядел комнату, все еще осознавая присутствие мальчика в Силе, но не в силах удержать его, его чувства были скрыты и расплывчаты. Нахмурившись, он двинулся дальше по Силе, оглядывая массивный зал, залитый цветом и движением... Там! Высокие двойные двери были открыты, красные гвардейцы наверху короткой широкой лестницы привлекли внимание, когда он проходил через него, и Палпатин на мгновение уловил фрагментированные изображения темной формы своего павшего джедая, когда он установил длинную извилистую зеркальную галерею, которая вела из Государственного бального зала, шагая от света и шума обратно в тусклые тени, как волк, которым он стал.

Ситх Мастер улыбнулся, рельефный отдыхает его обратно на свое место, позабавили, что на последнем, его волк сделал свое присутствие почувствовал - и что на самом деле не делает ничего. Да, он научился своему ремеслу; конфликт велся так же часто, как и умение обращаться с ручным световым мечом - не единственное, чему он научился овладевать, будучи заключенным в стенах дворца.

Он снова оглядел зал, протянув руку к Силе, чтобы призвать Мару к Помосту. Она подошла со своей обычной кошачьей элегантностью, изящно покачивая бедрами в тонком облегающем черном платье из виноградного шелка, которое она носила, огненнокаштановые волосы светились в тусклом свете. Она всегда умела вызывающе одеваться; много раз использовала его с пользой для различных целей, но сегодня у нее не было такого задания, и он на мгновение задумал, почему она так оделась; это определенно не для него. Она почтительно поклонилась, распущенные волосы упали ей на голые плечи. - Учитель? Палпатин понял, что она уже была на полпути к двери, когда он ее вспомнил.

«Иди за ним». - просто приказал он, не чувствуя необходимости вдаваться в подробности: «Я хочу знать, что он делает - оставайтесь с ним сегодня вечером».

Мара почувствовала прилив адреналина вины от его слов, но быстро подавила его, послушно повернувшись, чтобы покинуть Бальный зал, прежде чем он смог задать ей дальнейшие вопросы, остановившись в длинной изогнутой галерее, где, казалось, была бесконечная серия зеркал ручной работы. каждые два этажа высотой, их размер и самодельный характер вызывают легкие искажения, уникальные для каждого из них, бесконечно преломляя одни и те же разрозненные изображения взад и вперед на стенах длинной галереи.

Она выжидающе стояла перед одним из них, не обращая внимания на искаженное, гротескное изображение, которое оно представляло, и оно при малейшем «щелчке» открывалось на небольшой пост охраны. Войдя, когда зеркальная дверь закрылась за ней, она связалась с охраной, ожидая, пока они отследят местонахождение Скайуокера, что, казалось, заняло слишком много времени, учитывая уровень безопасности здесь сегодня вечером. В конце концов она приказала наблюдению, чтобы проверить изображения системы безопасности, а не пытаться найти его по распознаванию охранника, зная, что если он не хочет, чтобы его видели, то его просто не будет, и установила свой код распознавания в идентификационный трекер. в маленькой комнате, когда выяснилось его местонахождение. Удивительно, но это было в его апартаментах, Рис зарегистрировал свое прибытие туда всего несколько минут назад.

Мара пошла с юга к Западной башне, не торопясь, давая Скайуокеру передышку; время остыть. Она, затаив дыхание, наблюдала за маленькой игрой нервов, которую он разыграл против своего Учителя, заставив сердце Мары перехватить горло твердой верой, что он собирается бросить вызов, зная, что Палпатин не может этого допустить, видя ее хозяин действительно напрягся в неуверенности, когда Люк подошел, Мара тоже выступила вперед, надеясь развеять это, прежде чем оно прорвется.

Затем он исчез, растворившись в толпе, как шифр, хотя она наблюдала за ним, и Мара знала, что это было его намерением с самого начала; просто нервировать - бессмысленный риск только по собственной вспыльчивости. Ввиду этого ей не особенно хотелось идти за ним сегодня вечером; у него было плохое настроение весь день, и эта последняя игра на границу с Палпатином вряд ли могла бы его развеять - и он знал бы, что ее послал их хозяин. Она добралась до его квартир и обнаружила, что свет в большом коридоре, украшенном галереей, погашен, что указывало на то, что домочадцы удалились на ночь. Пройдя мимо вездесущих охранников у двери, она наклонилась в маленький кабинет прямо в коридоре, и Рис взглянул на нее.

«Я бы оставил его сегодня в покое, будь я на твоем месте».

Он посоветовал с серьезным выражением лица. «Палпатин послал меня».

Она сказала просто, объяснения хватило на все. Рис кивнул, глядя в коридор.

"Скорее вы, чем я, командир". Он сказал: «Не заманивайте его... и сядьте поближе к двери».

"Благодарю." - сухо пробормотала Мара, направляясь по широкому темному коридору и через тщательно продуманный центральный купол со стеклянной крышей к личным комнатам, в которых он всегда уединялся, когда хотел остаться один. Удивительно, но они были темными и пустыми, ее легкие шаги эхом отдавались под высокими декоративными потолками. Отступив назад, она медленно прошла по кругу через его личный кабинет и по изгибающимся коридорам вокруг центральных комнат, а затем вернулась к величию центрального купола, выложенного терраццо, зная, что все, что она может сделать, это начать медленный проход тридцати или пяти метров. такие внушительные, мрачные, редко используемые комнаты в его просторных апартаментах. Наконец она выследила его на большом, изгибающемся изгибе манильской библиотеки с шелковыми стенами, сидела в темноте спиной к двери.

"Ходящий по небу?"

Мара прошептала в темноту, мгновенно напомнив о ее первом посещении здесь, когда Палпатин обратил его, о ее шоке от изменений, вызванных его обращением и жестоким обращением. Он не ответил, но она прошла по подиуму, обогнув гулкую комнату с кессонным потолком, и увидела, как он рухнул в кресло, рядом с ним на столе стояла бутылка спирта, который выглядел усталым до мозга костей и невидящим взглядом смотрел на нее. смутное, нечеткое свечение по краям множества чипов данных, которые выстроились в поисковой системе на дальней стене.

"Ты в порядке?"

Учитывая его состояние, это был довольно глупый вопрос, поэтому она не удивилась, когда он не удосужился ответить. Вместо этого он протянул руку и налил смертельную дозу духа в свой стакан. Белая камфора; она чувствовала его запах, когда он падал в воздух, стеклянная пробка была брошена поблизости. Он смотрел на прозрачную жидкость несколько секунд, опасно наклонив тяжелый стакан в руке, затем ...

«До поздней ночи в Мос-Эспе». - неясно заявил он, делая глоток из стакана. Мара оставалась неподвижной, не зная, что делать - она никогда раньше не видела, чтобы он пил. Тот факт, что бутылка уже опустилась на треть, когда ее обычно оставляли нетронутой, не сулил ничего хорошего. В конце концов она оглядела темную комнату и пошла за еще одним стаканом, а затем вернулась, чтобы налить себе выпить в тишине. Если она не сможет его остановить, то сможет хотя бы ограничить количество, которое он может выпить. Взяв свой стакан, она подошла к другому стулу перед высокими книжными шкапами со скошенным стеклом, в которых стояли старомодные книги с бумажными страницами, и осела, прохладные, цепляющие складки гладкого черного шелка легли вокруг нее.

Он не повернулся к ней, а вместо этого снова поднял свой стакан: «За Фиксера... и Кейми, и Дика, и Винди. И Биггса Дарклайтера».

Он выжидательно замолчал, глаза были скрыты тенями его непослушных волос, и Мара подняла свой стакан в беспокойном приветствии, не понимая, о чем он говорит. Затем он осушил свой стакан и снова поставил его, потянувшись за бутылкой. Мара сделала глоток чистого спирта, и он прожег ей в горле путь, острый и горький. «Мы обычно выходили, когда неделя заканчивалась, и участвовали в гонках в Мос-Эспа или Мос-Ката». - рассеянно сказал Скайуокер, снова глядя вдаль.

«Гонки на свупах. Вступительный взнос в сорок кредитов, и если вам повезет, вы дойдете до

финала и выиграете двести. Вот и все. Я видел, как ребята ломали кости и теряли конечности за двести кредитов. Видел, как несколько соскребли со стола. стены. Это все, за чем люди пришли - посмотреть на бойню. Если бы я выигрывал, я бы разделил это с Фиксером, который держал свупы, и мы все пошли бы в Мос-Эйсли и взорвали его. Через несколько часов мы забудем грязный грязный шар планеты, на которой мы застряли... Я наблюдал, как он высыхал кровью дядю Оуэн день за днем, пытаюсь вычистить живое из песка и пыли. со мной этого бы не случилось ".

Он сделал паузу, погрузившись в безмолвную мысль, прежде чем, наконец, снова поднял свой стакан: «За Татуин. Я бы отдал все, что когда-либо был, чтобы снова стоять там».

Он подождал, пока Мара поднесла свой стакан к губам, затем осушил свой стакан, хлопнув его обратно на стол, чтобы снова наполнить. «Вот... эти тупые, потрепанные, полуразрушенные испарители, которые никогда не работали. В сумраке - пусть они умрут в пустыне. И за Джаву и их разбитых, изношенных, второсортных дроидов...»

На этом он остановился, долго обдумывая, прежде чем сделать еще один глоток ликера.

«И за сумасшедших стариков. И наивных детей, достаточно глупых, чтобы их слушать. Пусть они оба исчезнут без следа».

Он повернулся к Маре, когда она сделала глоток чистого спирта, ее нос сморщился от его необработанной силы.

«Вот цели, которые оправдывают их средства».

Он загадочно поджарил тост, и они оба сделали еще один глоток, Люк остановился, чтобы снова наполнить свой стакан, Мара понимала, что он собирается напиться без сознания, изо всех сил пытаясь найти что-то сказать, что могло бы его остановить; размышляя, не лучше ли было бы просто позволить ему продолжить ... Он повернулся к ней, высоко подняв свой стакан.

«А вот и Палпатин. Да умрет жестокая смерть черносердечное Отродье ситхов».

Мара вздрогнула от яда в его словах. Хотя она знала, что у него не было большой привязанности к Императору, в последний год он оставался в целом послушным и заслуживающим доверия, отдельных случаев неподчинения становилось все меньше, а отец между ними, так что она искренне думала, что он оседает, находит место. для себя здесь, в эксклюзивном и завидном окружении Палпатина. Но сказать это здесь - и с такой яростной убежденностью - было равносильно измене, и это потрясло ее до глубины души. Она знала, что его глаза все еще смотрели на нее, его стакан был поднят в ожидании... Наконец, она моргнула и поднесла стакан ко рту, прикоснувшись к горячей жидкости к ее сомкнутым губам.

«Ты не пил».

Он сказал холодно, его собственный стакан все еще держался высоко. Мара почти ... почти выпила из стакана, но ее собственная упрямая полоса оборвалась: «Ты же знаешь, я не могу пить за это».

«Но вы были готовы подделать это. Для меня».

Его острые глаза теперь жгли ее; Казалось, он превратился из полуобрезанного в леденящий кровь в мгновение ока, и она обнаружила, что не может ответить на ищущие слова. Когда она не ответила, он встал, осушил свой стакан и бросил его на стол, чтобы взять бутылку, и

повернулся, чтобы выйти из комнаты.

«Тебе следует быть осторожной, Мара; трудно удержаться на ногах в двух лагерях. Поверь мне, это невозможно уравновесить - все, что ты можешь сделать, это упасть».

<http://tl.rulate.ru/book/24624/1274885>